

ЭТНИЧЕСКИЕ ПАН-ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ

М. А. Буданов, А. Ю. Полунов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 25 мая 2025 г.

Аннотация: рассматривается феномен этнических пан-идеологий на примере концепций финно-угорского мира и пантюркизма. Анализируются механизмы воздействия данных концепций на общественное сознание России и других постсоветских стран в контексте теории «мягкой силы», сформулированной Дж. Наем. Авторы отмечают, что пан-идеологии играют значительную роль на современном этапе общественного развития. Важное значение в их продвижении имеет субъективный фактор, т. е. наличие сил, способных внедрять в жизнь соответствующие идеи. Так, концепция единства финно-угорского мира опирается на факт проживания в России большого количества финно-угорских народов и наличие родственных им европейских государств – Финляндии, Эстонии и Венгрии. Концепция пантюркизма развивается несколько иным путем, опираясь на идею возрождения Турции как региональной великой державы. Продвигая отвечающие их интересам пан-идеологии, указанные выше государства используют широкий спектр средств, входящих в арсенал «мягкой силы». В статье рассматриваются особенности концепций пантюркизма и финно-угорского мира, их история и перспективы развития.

Ключевые слова: пан-идеологии, финно-угры, тюрки, пантюркизм, панславизм, этнос, идеология.

Abstract: the article examines the phenomenon of ethnic pan-ideologies using the examples of the concepts of the Finno-Ugric world and pan-Turkism. The mechanisms of influence of these concepts on the public consciousness of Russia and other post-Soviet countries are analyzed in the context of the theory of «soft power» formulated by J. Nye. The authors note that pan-ideologies play a significant role at the present stage of social development. The decisive role in their promotion is played by the subjective factor; that is, the presence of forces capable of implementing relevant ideas. Thus, the concept of the unity of the Finno-Ugric world is based on the fact that a large number of Finno-Ugric peoples live in Russia and the presence of related European states – Finland, Estonia and Hungary. The concept of Pan-Turkism is developing in a slightly different way, based on the idea of the revival of Turkey as a regional great power. In promoting pan-ideologies that suit their interests, the above-mentioned states use a wide range of means included in the arsenal of «soft power». The article discusses the features of the concepts of Pan-Turkism and the Finno-Ugric world, their history and prospects for their development.

Key words: pan-ideologies, Finno-Ugrians, Turks, Pan-Turkism, Pan-Slavism, ethnicity, ideology.

Важным аспектом развития современного мира является усиление влияния на общественно-политическую и духовную жизнь разных стран этнических пан-идеологий – идейных систем, ставящих целью организацию трансграничного сотрудничества и объединения определенных этнических сообществ на основе реального или предполагаемого культурного и языкового родства. По замечанию А. Е. Фоминых, «идеи “миров” или иных измерений существования родственных народов, ранее являвшиеся предметом для теоретизирования лингвистов и этнографов, сегодня активно входят в политический лексикон» [1]. Особо заметное влияние пан-идеологии оказывают на жизнь многонациональных стран. Такое воздействие носит в ряде случаев негативный характер, поскольку лозунги трансграничной солидарности

могут подрывать государственный суверенитет, нарушать самостоятельность государств в решении внутренних вопросов.

Примером активно действующих на мировой арене пан-идеологий можно считать концепции финно-угорского мира и пантюркизма. Их развитие представляет особую актуальность для России в силу проживания на ее территории значительного количества финно-угорских и тюркских народов, имеющих здесь свои автономии. В связи с тем, что общественно-политические результаты воздействия пан-идеологий, как отмечалось выше, могут иметь противоречивый характер, оказывать неоднозначное воздействие на общественно-политическое развитие страны, представляется важным проанализировать современное состояние данных идеологий и возможные перспективы их эволюции.

Анализ этнических пан-идеологий представляет интерес и в свете активно обсуждаемой и широко используемой современными учеными концепции

«мягкой силы», выдвинутой американским исследователем Дж. Наем [2]. Изучение различных концепций трансграничного этнического единства, причин их популярности (или непопулярности), механизмов их воздействия на массовое сознание, факторов результативности такого воздействия позволяет обогатить наши представления о конкретных формах бытования данного идеологического феномена, глубже понять его природу. С учетом этнической основы рассматриваемого явления данный анализ вносит вклад и в более глубокое понимание природы этнического начала, непосредственно касаясь дискуссий о примордиальном (врожденном) или конструируемом характере этничности.

Исторические аспекты развития пан-идеологий

Говоря об этнических пан-идеологиях, необходимо прежде всего отметить, что их история насчитывает много десятилетий и с момента своего зарождения в XIX в. прошла ряд этапов. В разных странах бытовали свои виды подобных идеологий, получавшие поддержку различных общественно-политических течений. Так, в царской России в последние столетия ее существования определенной популярностью пользовались идеи славянского единства, нередко не вполне точно определяемые понятием «панславизм»¹. Носителями подобных идей в той или иной степени были такие выдающиеся мыслители, как И. С. Аксаков, Ф. И. Тютчев, Ф. М. Достоевский, Н. Я. Данилевский. Временем наивысшего подъема идей славянской солидарности стала вторая половина 1870-х гг., когда Россия в ходе войны 1877–1878 гг. выступила в защиту балканских славян (болгар, сербов, черногорцев) от притеснений со стороны Турции. Последующие события – переориентация славянских государств на Запад, начало раздоров между ними – нанесли тяжелый удар идее славянского единства. Тем не менее она пользовалась достаточно широкой популярностью в России и накануне Первой мировой войны [4].

Временем определенного возрождения концепций славянского единства стала середина XX в., когда могло казаться, что данные идеи, пусть и в советском преломлении, успешно воплощаются в виде социалистического блока стран Восточной Европы. Тем не менее блок рухнул в конце 1980-х – начале 1990-х гг. практически синхронно с распадом СССР, несмотря на вложенные в его построение огромные экономические ресурсы и культурные силы, не говоря уже о военном и политическом аспекте данного предприятия. Классические концепции единения славян так и остались несбывшимися прогнозами и мечтами. Каковы же были причины подобного финала? Если

говорить о представителях славянского движения XIX – начала XX в., то их, видимо, подвела вера (характерная, впрочем, для многих интеллектуалов того времени) в значение факторов примордиального характера, в первую очередь кровного и языкового родства. Имея перед глазами пример успешного объединения Германии, которое во многом опиралось на идеи пангерманизма, представители славянского движения полагались на «естественность» кровных уз славянской семьи, верили в возможность претворения родства в какую-либо политическую общность². Но, как показала жизнь, кровь и язык могут проиграть культурно-цивилизационному, прежде всего религиозному, фактору. Тяготение поляков и других западных славян, католиков по вероисповеданию, к европейским моделям общественного устройства сыграло немалую роль в крушении проектов славянского единства.

Что же касается советского периода, то лежавшие тогда в основе официальной идеологии принципы классового (пролетарского) интернационализма было сложно сочетать с лозунгом единства всех славян. Обращение советской пропаганды в годы Великой Отечественной войны к противостоянию германского и славянского миров было ситуативно и поверхностно. По сути, никакого другого политического центра у проекта славянского единства кроме исторической России быть не могло. Однако лидеры позднего Советского Союза, уверовав в реальность концепции «мирного сосуществования двух систем», сами себя записали в мировую провинцию, и Москва перестала быть притягательным центром в глазах своей «славянской» периферии. Подобная ситуация оказалась характерна и для постсоветского периода. В настоящее время возрождение политического панславизма едва ли возможно. Это подтвердило, в частности, высказывание В. В. Путина, допустившего в 2014 г. культурное сближение славян, но отрицательно оценившего возможность их политического объединения [5].

Разумеется, панславизм не был единственным примером пан-идеологии, бытовавшей в XIX – начале XX в. С конца XIX столетия достаточно широкое распространение получил пантюркизм, опиравшийся на идею единения всех тюркских народов под эгидой турецких султанов – в том числе путем выхода данных народов из-под власти Российской империи [6]. В это же время зарождается течение так называемого туранизма, который мог пониматься как синоним пантюркизма, но мог иметь и более широкое содержание – включать в себя идеи единства тюркских, финно-угорских и монгольских народов в противостоянии с

¹ О трактовке понятия «панславизм» и смежных терминов см.: [3, с. 12–17].

² Следует отметить, что подобные идеи имели давнюю историю – еще в XVII в. их высказывал выдающийся мыслитель и общественный деятель, хорват Юрия Крижанич.

Россией (о развитии туранизма в начале XX в. см.: [7]). В начале XX в., прежде всего накануне Первой мировой войны и в военные годы, указанные комплексы идей активно использовались в международной политической борьбе. Приход в России к власти большевиков и особенно начало холодной войны сместили вектор мирового идеологического противоборства. Обращение к этническим пан-идеологиям стало менее актуально, что, впрочем, как отмечено выше, не исключало возможности их периодического ситуативного использования. Крушение мировой социалистической системы, распад СССР резко изменили международную обстановку, что способствовало возрождению идей трансграничного единства на этнической основе.

Концепции финно-угорского единства

Рассматривая тенденции современного развития этнических пан-идеологий и их влияния на духовную и общественно-политическую жизнь России, необходимо еще раз подчеркнуть, что успех подобных идейных систем, их распространенность напрямую не зависят от факторов примордиального характера – единства происхождения и языка тех или иных этнических групп. Решающую роль играет субъективный фактор – наличие политических акторов, готовых активно внедрять указанные идеи в жизнь. Со всей отчетливостью это отразилось на развитии этнических пан-идеологий в постсоветский период, в том числе концепции единства финно-угорского мира. Почву для развития подобных идеологий создавал, с одной стороны, факт проживания в России большого количества финно-угорских народов, у многих из которых имелись свои национально-территориальные образования³. С другой стороны, играло роль наличие у этих народов «родственников» за рубежом в лице Финляндии, Венгрии и Эстонии, вышедших из-под влияния СССР или из его состава и получивших возможность проводить самостоятельную внешнюю политику.

Наличие на Западе финно-угорских государств во многом послужило своеобразным ориентиром для этнических активистов, а отчасти и для властей финно-угорских национальных образований, было использовано ими как средство закрепления своих общественно-политических позиций, повышения своего статуса. Обращение к зарубежным «родственникам», возможность получить от них поддержку (политическую, дипломатическую, финансовую или как минимум моральную) служили для этнических элит весомым аргументом в спорах с федеральным центром, которые получили широкое развитие в 1990-е гг.

³ Республики Карелия, Мордовия, Удмуртская республика, республики Марий Эл, Коми; Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа.

Что касается зарубежных государств (прежде всего, образовавшихся после распада СССР), то для них ссылки на «этническую солидарность», озабоченность положением своих «этнических братьев» служили во многих случаях средством парировать упреки России относительно ситуации с русскоязычным населением на их собственной территории. К данному приему особенно активно прибегала Эстония.

Вопрос о положении русскоязычного населения был не столь актуален для двух других финно-угорских государств – Финляндии и Венгрии, но в их случае (как, впрочем, и в случае с Эстонией) вступал в действие еще один фактор. Для этих стран, не обладающих существенным политическим потенциалом, значительными людскими и материальными ресурсами, концентрация на вопросе относительно помощи «собратьям за рубежом» позволяла привлечь к себе внимание, повысить узнаваемость и тем самым несколько нарастить политический вес на международной арене. Мировым (прежде всего, западным) сообществом действия в этом направлении могли восприниматься как одно из начинаний в области миротворческой, правозащитной, экологической и гуманитарной деятельности, которая традиционно является своеобразной «дипломатической нишей», «областью специализации» малых стран, в первую очередь Северной Европы [1, с. 280–282]. Так или иначе, но наличие акторов, в силу различных причин явно заинтересованных в распространении этнических пан-идеологий, стало мощным стимулом для продвижения данных идейных комплексов.

Выстраивая систему идеологического воздействия на проживающие в России «родственные народы», финно-угорские государства – как правительственные структуры, так и общественные организации, так или иначе связанные с властями – использовали широкий спектр средств, входящих в арсенал «мягкой силы»⁴. К числу этих мер относилось выделение стипендий для студентов и аспирантов из числа представителей финно-угорских народов для обучения в вузах Финляндии, Венгрии и Эстонии; реализация совместных исследовательских и издательских программ; переподготовка российских журналистов, специалистов в иных сферах в финно-угорских государствах; организация летних школ, языковых курсов и др. [9]. Однако наряду с «мягкими» методами данные государства использовали и вполне «жесткий» инструментарий, опираясь на поддержку

⁴ Согласно определению Дж. Ная, понятие «мягкой силы» включает в себя как меры непосредственного идеологического воздействия на окружающих, так и способность того или иного государства (или иного политического актора) служить для окружающих привлекательным примером и тем самым добиваться поставленных целей [8].

политических и военных структур Запада. Проявлением «жесткого» подхода стал регулярно поднимаемый представителями Финляндии, Венгрии, Эстонии вопрос о якобы «упадке» культуры российских финно-угров, их «вымирании», озвучивавшийся на различных международных площадках (Парламентская ассамблея стран Европы, Всемирные конгрессы финно-угорских народов, Европейский парламент и др.).

В ходе подобных выступлений европейскими активистами финно-угорских движений, как показали исследования российских экспертов, широко использовалась недостоверная информация и прямые фальсификации. В вину России, в частности, ставилось «исчезновение» на ее территории ряда финно-угорских этнических групп. При этом часть данных групп на проверку оказалась полулегендарными народами из далекого летописного прошлого (мера, мурома, мешера), а другие – и вовсе тюркскими народами (и при этом никуда не исчезнувшими). Естественные процессы ассимиляции в финно-угорской среде выдавались за сознательную политику «денационализации». При описании тяжелого социально-экономического положения ряда регионов, населенных финно-уграми, не указывалось, что эта ситуация не имеет никакого отношения к национальному вопросу – в столь же сложной ситуации могли находиться соседние, преимущественно русские регионы.

В выступлениях выдвигались невыполнимые требования – в частности, создания абсолютно замкнутой финно-угорской системы образования от детского сада до университета. В целом, предлагались программы жесткой сепарации населения на этнической основе, которые европейские активисты ни в коем случае не стали бы реализовывать в собственных странах, население каждой из которых рассматривается в качестве единой гражданской нации [10]. Регулярное выступление зарубежных деятелей финно-угорского движения с подобными заявлениями, а также явно провокационные акции на международных площадках – в частности, заявление президента Эстонии Тоомаса Хендрика Ильвеса о том, что российским финно-уграм «еще предстоит сделать выбор в пользу свободы и демократии»⁵ – побудили руководство России ограничить сотрудничество с международным финно-угорским движением. С начала 2020-х гг. Российская Федерация не принимает участие во Всемирных конгрессах финно-угорских народов. В то же время на территории нашей страны начали проводиться форумы российских финно-угров.

Оценивая перспективы рассматриваемой пан-идеологии, необходимо отметить, что в ближайшем будущем ее развитие на территории России будет ограничиваться внутрисоюзными рамками, полу-

чит преимущественно культурный и научный характер. Однако набор этнических идейных систем, стремящихся оказывать влияние на население России, естественно, не ограничивается подобными концепциями. Заметное место среди них занимают различные виды идеологии пантюркизма, о которых необходимо сказать особо.

Внешняя политика Турецкой республики и распространение пантюркизма

Концепции пантюркизма, наряду с представлениями о единстве финно-угорского мира, пережили возрождение в постсоветский период и получили достаточно широкое распространение, однако их развитие, модификация форм их влияния на население России пошло особым путем. Позиция Турции, интеллектуальные, а отчасти и политические круги которой исторически выступали основным генератором идей пантюркизма, оказалась более сложна, нежели позиция Финляндии, Венгрии и Эстонии. Если последние более или менее очевидно выступали в процессе распространения этнических пан-идеологий как орудия идеологического воздействия на Россию, то у турецких интеллектуальных и правящих кругов сам феномен пан-идеологий и возможность их использования в качестве политического инструмента вызывал гораздо более неоднозначное отношение. Подобная ситуация определялась особенностями исторического пути Турции. Формально Турецкая Республика в своей внешней и внутренней политике опирается на идеологическое наследие своего создателя Мустафы Кемаля Ататюрка. Последний же продвигал идею решительного разрыва с османским наследием, стремясь после распада Османской империи обеспечить успешное развитие Турции как неимперского, национального государства. Это предполагало, в частности, радикальное изменение внешнеполитической стратегии, в том числе стремление сосредоточиться на решении задач прагматического характера, отказ от глобальных планов, в том числе попыток создания под эгидой Турции мирового тюркского единства.

Резкое изменение международной ситуации после распада Советского Союза, которое вывело Турцию на уровень одной из самых влиятельных региональных держав, не могло не повлиять на корректировку ее внешнеполитической стратегии. Стремление вернуться к имперскому наследию, возрождение мессианских настроений, исподволь вызревавшее в сознании части турецкой элиты, приобрело открытый характер с конца 1980-х – начала 1990-х гг. Важнейшим стимулом для распространения подобных идей стало возникновение после распада СССР целого ряда независимых тюркских государств – Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Киргизии – ко-

⁵ Заявление было сделано на 5-м Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Ханты-Мансийске (2008). См.: [11].

торые многими в Турции рассматривались как новые «младшие братья», законный объект культурного, идеологического, а в перспективе и политического влияния. Подобные установки открыто провозглашались лидерами Турецкой республики. «Главные надежды среднеазиатских государств связаны с возможностью последовать примеру Турции в том, что касается государственного устройства...», – заявил возглавлявший в 1989–1993 гг. республику президент Тургут Озал. – Мы можем оказать помощь в налаживании системы государственного управления по турецкому образцу» [12].

В статье с характерным названием «Большая геополитика для новой Турции» советник Озала журналист Дженгис Чандар и американский эксперт по Ближнему Востоку Грэм Фуллер провозгласили в 1992 г. завершение 70-летнего периода доминирования кемалистских принципов в турецкой внешней политике и возрождение Турции в качестве региональной великой державы. Деятельность государства на международной арене теперь должна была обрести характер «амбициозной политики на все 360 градусов, представляющей все лица Турции: западное, балканское, анатолийское, кавказское, центральноазиатское, тюркское, мусульманское, ближневосточное, средиземноморское» [13]. Концепции нео-османизма (как было названо это явление) получили дальнейшее развитие в выступлениях Ахмета Давутоглу, министра иностранных дел (2009–2014) и премьер-министра (2015–2016) республики.

Как отмечает современный исследователь И. Торабаков, в своих многочисленных речах, статьях и интервью Давутоглу стремился представить Турцию не в качестве обычной нации-государства, а как центр обширного исторического региона, в рамках которого за ней сохраняется первенство и за который она несет особую историческую ответственность. «Имперское наследие, – подчеркивает исследователь, – используется в качестве обширного резервуара идей относительно культурных и исторических связей с Балканами, Ближним и Средним Востоком, недавно возникшими евразийскими государствами – с чем-то вроде зоны особых интересов Турции, важность которой совершенно игнорировалась кемалистами». «Центральное государство», каким считает Турцию Давутоглу, не может, по его мнению, определять свою роль в оборонительном ключе. Его роль как периферийной силы должна остаться в прошлом. Необходимо стать державой, обеспечивающей безопасность и стабильность не только для себя, но и для близлежащих регионов. Под руководством Турции должно возникнуть нечто вроде Османского союза, напоминающего Британское содружество. «Подобно тому, как в XVI столетии османские Балканы являлись центром мировой политики, мы сделаем Балканы,

Кавказ, Ближний и Средний Восток вместе с Турцией центром мировой политики в будущем, Это – цель внешней политики Турции и мы достигнем ее», – заявил политик, выступая в 2009 г. в столице Боснии Сараево [Ibid., p. 139–144].

Подобные установки способствовали укреплению в сознании значительной части интеллектуальных и политических кругов Турции представлений о необходимости продвижения за рубеж этнических пан-идеологий, использования их как инструмента внешней политики, характер которой теперь подвергался серьезному переосмыслению. Разумеется, возрождение имперского наследия, утверждение роли Турции как «центральной державы» должно было осуществляться с учетом существующих государственных границ, без нарушения суверенитета государств региона. В связи с этим новые концепции относительно внешнеполитической роли преемницы Османской империи нашли отражение прежде всего в активном создании разного рода межгосударственных союзов, а также – как и в случае с финно-угорскими государствами – в широком применении различных инструментов «мягкой силы». При этом последнее направление реализовывалось не только государством, но и различными турецкими неправительственными организациями (поддерживавшими при этом, как правило, связи с властями).

История деятельности Турции в данной сфере хорошо известна. Если говорить о создании международных ассоциаций, то с начала 1990-х был учрежден целый ряд подобных структур – Парламентская Ассамблея тюркоязычных стран (1998), Совет сотрудничества тюркоязычных государств или Тюркский совет (2009; в 2021 г. переименован в Организацию тюркских государств), Совет конституционных судов Организации тюркских государств, Союз муниципалитетов тюркского мира и др. Особый интерес представляет созданная в 1992 г. Международная организация тюркской культуры, известная по своей турецкой аббревиатуре как ТЮРКСОЙ. В данную структуру, наряду с независимыми государствами постсоветского пространства, вошел также ряд российских республик (Татарстан, Башкортостан, Якутия, Хакасия, Тыва, Алтай). В 2015 г. в связи с обострением отношений между Россией и Турцией республики вышли из состава ТЮРКСОЙ, хотя Татарстан и Башкортостан сохранили статус наблюдателей.

Продвижением «мягкой силы» Турции на постсоветском пространстве, в том числе и в России, в течение долгого времени занимались организации известного исламского проповедника Фетхуллы Гюлена и связанного с ним мусульманского движения «Нурджулар». Представителями данных структур создавались школы, колледжи, языковые курсы, отделения при университетах и другие образовательные

учреждения. Неправительственные организации и государственные структуры Турции выделяли стипендии для обучения тюркоязычных студентов в турецких университетах, содействовали учреждению новых негосударственных вузов. Выделялись гранты на академические исследования, реализацию программ переводов и книгоиздания. В Турции были также организованы курсы по подготовке и переподготовке чиновников из тюркоязычных республик. Со временем подобная деятельность на территории России и некоторых других постсоветских государств стала вызывать у властей вопросы, была ограничена, а затем по большей части запрещена. Однако период активной реализации программ «мягкой силы» Турции оставил свой след. За это время она, по словам В. А. Надеина-Раевского, «сумела не только укрепить свой имидж в тюркоязычных регионах, но и воспитать прослойку интеллектуальной элиты, получившей образование, отличающееся от того европейского варианта, который получали в Советском Союзе» [12, с. 101].

Широкое применение носителями идей пантюркизма инструментов культурно-идеологического воздействия на население соседних стран, близкое по характеру к деятельности европейских финно-угорских государств, говорит о сходстве образа действий представителей различных пан-идеологий и в целом демонстрирует значение «мягкой силы» как важнейшего фактора современной общественно-политической жизни и системы международных отношений. Анализ рассмотренных выше тенденций позволяет утверждать, что со временем значение этого фактора будет только усиливаться. Если же говорить о перспективах влияния конкретных пан-идеологий на население России, то ситуация в этой сфере неоднозначна. Развитие концепций единства финно-угорского мира, как отмечалось выше, в ближайшее время, видимо, ограничится пределами России – хотя внешние силы, разумеется, не оставят попыток использовать подобные идеи в процессе идеологического воздействия на российское общество. Более сложной выглядит ситуация с пантюркизмом. По мнению экспертов, в настоящее время действуют факторы, которые могут способствовать как ослаблению, так и укреплению подобной идеологии.

Перспективы развития пантюркизма в России

Если говорить о тенденциях и явлениях, работающих на укрепление пантюркизма, то следует отметить, что для большинства постсоветских республик, а также для части элит российских регионов Турция по-прежнему выступает в качестве государства-образца. Это государство достаточно успешно нашло свое «место под солнцем» в современном мире. Его социально-экономическое развитие можно рас-

сматривать как пример успешной модернизации по западному образцу, но без утраты собственной культурной идентичности. Турецкая республика включена в мировую систему разделения труда, является членом «привилегированного клуба» – военно-политического блока НАТО, оставаясь при этом самобытным мусульманским обществом. Все это свидетельствует о наличии в составе «мягкой силы» Турции такого компонента, как способность восприниматься окружающими в качестве привлекательного образца, служить примером для подражания. В то же время возможности для культурно-идеологического воздействия Турции на окружающий мир, при всей ее активности в данной сфере, все же существенно ограничены. Являясь крупным региональным государством, Турецкая республика не относится в то же время к числу великих держав, располагает достаточно ограниченными ресурсами, и реализация долгосрочных проектов глобального масштаба ей далеко не всегда под силу.

Перспективы развития пантюркистских тенденций ограничиваются также тем обстоятельством, что в тюркских государствах постсоветского пространства и российских регионах с тюркским населением сложились собственные политические и интеллектуальные элиты, которые вовсе не стремятся войти в число «младших братьев» зарубежного государства. В их среде сложились собственные национальные проекты, осознание своей самобытности, культурной идентичности. Даже воспринимая в определенных отношениях Турцию в качестве образца, они стремятся при этом отстаивать свою самостоятельность. Наконец, следует отметить, что объективные предпосылки провозглашения общетюркского единства – в языковой, религиозной, культурной и иных сферах, с точки зрения кровного родства – как и в случае с другими пан-идеологиями, крайне зыбки, а их понимание несет на себе явную печать политической ангажированности.

Касаясь вопроса о наличии объективных основ этнических пан-идеологий, необходимо еще раз подчеркнуть, что такие основы во многом являются конструктом, т. е. отражают заинтересованность тех или иных политических акторов в продвижении данных идеологий. Примордиальные, реально существующие предпосылки трансграничного единства при внимательном анализе оказываются весьма слабыми. Так, например, представления о тюркском языковом родстве упираются в серьезную лексическую отдаленность современного турецкого языка от иных языковых ветвей – кыпчакской, кыргызской, саянской и др. Важно помнить, что официальный турецкий язык является результатом радикальной реформы конца 1920-х – начала 1930-х гг., которая, с одной стороны, преследовала цель освобождения от ино-

странных заимствований, а с другой – должна была способствовать преодолению анахроничности османских диалектов [14]. Однако в итоге турецкоговорящее сообщество оказалось во многом еще сильнее удалено от большинства тюркских языков. Важнейшим общетюркским символом, если говорить о языковой сфере, является так называемая орхоно-енисейская письменность VIII–X в., однако о принадлежности ее тому или иному народу идут бесконечные дискуссии. Но в любом случае предки османов, скорее всего, имели к ней отдаленное отношение.

Конфессиональный аспект тюркского единства выглядит еще слабее. Даже если вынести за скобки различия между направлениями ислама – суннизмом и шиизмом, приходится признать очевидную религиозную разнородность тюркского мира: двоеверие значительной части якутов, буддизм и шаманизм тувинцев, бурханизм алтайцев, православие кряшен и гагаузов. В общественном сознании последних запечатлелась память о жестоких преследованиях, которым они по причине принадлежности к христианству подвергались в Османской империи, что также не способствует утверждению общетюркского единства. Говоря о религиозном компоненте, не следует также забывать, что отец-основатель Турецкой республики Мустафа Кемаль Ататюрк был убежденным сторонником секулярного государства и противником политического исламизма [15].

Нельзя всерьез принимать и тезис о кровном единстве тюркских народов, имея в виду их расовую, фенотипическую разнородность. Особенно учитывая, что современная турецкая нация, как предполагаемый главный носитель пантюркистских установок, в действительности является результатом вековых перемешиваний и мощных ассимиляционных процессов, где были задействованы арабский, славянский, армянский, греческий, курдский и многие другие этнические субстраты. В целом, значительная часть экспертов к настоящему времени уверена в отсутствии у пантюркизма серьезных перспектив воздействия на российское общество, включая регионы с тюркским населением. Эти выводы в целом подтверждаются данными конкретных исследований, на результаты одного из которых, проведенного в 2022–2023 гг. в Башкирии, хотелось бы сослаться для подкрепления вышеприведенного тезиса.

По мнению исследователей, изучавших влияние пантюркистских идей на население Башкортостана, обращение к этническим пан-идеологиям даже в период «этнической мобилизации» 1990-х – начала 2000-х гг. носило по большей части имитационный характер и использовалось этническими активистами главным образом с целью своеобразного «шантажа», давления на власть. Так, серьезную тревогу в свое время (1990 г.) вызвало возникновение массовой на-

циональной организации «Союз башкирской молодежи» (СБМ), символ которой – волк на скале – как бы отсылал к названию турецкой праворадикальной организации «Бозкурт» (серые волки). Данным словом, «Бозкурт», именовались и подростковые военно-патриотические лагеря СБМ. В реальности, как отмечают исследователи, лагеря были образованы на основе образцов, заимствованных из практик Советской армии, ДАСААФ и движения «Зарница» и не имели ничего общего с турецкими аналогами. По сути, несмотря на ряд внешне громких оппозиционных заявлений, СБМ был вполне лояльной организацией и в начале 2000-х гг. полностью перешел под контроль властей [16].

Доказательством слабого влияния пантюркизма в Башкортостане при внешне, казалось бы, выраженном присутствии данной идеологии исследователи считают также ситуацию с мемориализацией фигуры Ахмеда Заки Валиди (Тогана) – крупнейшего представителя башкирского национального движения XX в. Валиди, проживавший после эмиграции из России главным образом в Турции, действительно внес очень большой вклад в развитие идеологии пантюркизма, однако в Башкортостане его помнят и почитают не в связи с данной стороной его деятельности, а как основателя башкирской национальной автономии. Пантюркистские сочинения Валиди мало известны в республике. В целом, можно утверждать, что влияние пан-идеологий (в их деструктивном и политизированном варианте) в настоящее время переживает спад. Однако это не должно служить поводом для успокоения. Исторический опыт показывает, что влияние такого рода идейных систем быстро возрождается и может приобретать значительный размах в ситуации общественно-политической турбулентности.

К числу новых тенденций в рамках идеологии пантюркизма можно отнести появление на постсоветском пространстве новых акторов, стремящихся разыграть карту единства всех тюркских народов. К числу таких акторов относится в первую очередь Казахстан, стремящийся оказывать идеологическое влияние на проживающих в России казахов и ногайцев. Последние объявляются близкой к казахам или даже идентичной им этнической группой. Показательна в этом контексте ситуация с мемориальным комплексом «Сеид-Баба и Букей-хан» в Астраханской области, возле границы с Казахстаном. Центральным объектом данного комплекса исторически была могила суфийского святого – ногайца Сеид-Бабы. Здесь же захоронен крупный казахский государственный деятель Букей-хан. Власти Казахстана издавна проявляли интерес к этому захоронению, а в 2011 г. провели его реконструкцию [17]. Над скромной могилой был воздвигнут грандиозный 19-метровый мавзолей,

который сразу стал доминировать в рамках комплекса и переформатировал доминанты его восприятия. В результате комплекс, по мнению ряда наблюдателей, стал восприниматься не как памятник суфийскому святому, а как мемориал в честь казахской государственности на территории Российской Федерации.

Однако в целом следует признать, что геополитическая турбулентность и военные угрозы текущего периода серьезным образом подпитывают интерес потенциальной целевой аудитории к политическим версиям пан-идеологий. Так, многие исследователи отмечают сегодня причудливое сочетание шовинистических настроений и роста интереса к османской версии пантюркизма в Азербайджане и среднеазиатских тюркских республиках. В свою очередь турецкая политическая элита эффективно реагирует и приспосабливается к новым международным условиям, стремясь сохранить культурную и политическую привлекательность своего цивилизационного проекта для аудитории на постсоветском пространстве [18]. Вступление Финляндии в НАТО резко усилило антироссийский вектор в международном финно-угорском движении [19].

Подводя итог, отметим, что этнические пан-идеологии являются важной составной частью современной духовной и общественно-политической жизни, системы международных отношений. Широкое развитие указанных идейных комплексов в постсоветский период было связано с крушением мировой системы социализма, распадом СССР и изменением вектора мирового политического противоборства. Основным средством распространения пан-идеологий стали инструменты «мягкой силы», включившие в себя как различные формы идеологического воздействия, так и способность тех или иных идеологических акторов выступать в качестве образца для окружающих. Несмотря на то, что активисты пан-идеологий, продвигая тезис о трансграничном единстве различных народов, апеллировали к примордиальным факторам единства (язык, общее происхождение, кровное родство и др.), значительная часть представлений о подобном единстве являлась идеологически нагруженным конструктом. Тем не менее в обстановке острой идеологической борьбы, международного соперничества такие идейные системы оказались востребованы различными политическими силами, что и обусловило значительную роль этнических пан-идеологий. На территории России пик влияния пан-идеологий – прежде всего, пантюркизма и концепции финно-угорского единства – пришелся на 1990-е – первую половину 2000-х гг., а затем пошел на спад. Но перспективы развития этих идейных систем, их возможного воздействия на население России остаются предметом дискуссий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фоминых А. Е. В поисках «ниши»: «финно-угорский мир» во внешней политике Венгрии, Финляндии и Эстонии / А. Е. Фоминых // Национально-государственная организация финно-угорских народов : опыт России и зарубежных стран : материалы Всероссийской научной конференции. – Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 2011.
2. Nye J. Soft Power : The Means to Success in World Politics / J. Nye. – New York : Public Affairs Group, 2004.
3. Прокудин Б. А. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века / Б. А. Прокудин. – М. : Социально-политическая мысль, 2007. – С. 12–17.
4. Кострикова Е. Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос. Идеинная борьба в российском обществе в начале XX в. / Е. Г. Кострикова. – М. : Кучково поле, 2017.
5. Из диалога В. В. Путина с пресс-секретарем главы Чечни Альви Каримовым // Путин верит в тягу славянских народов к культурному и духовному единству. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/12/18/putin-verit-v-tyagu-slavyanskikh-narodov-k-kulturnomu-i> (дата обращения: 25.05.2025).
6. Надеин-Раевский В. А. Пантюркизм : идеология, история, политика. Экспансионистская доктрина : от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении / В. А. Надеин-Раевский. – М. : Русская панорама, 2017.
7. Levent S. Common Asianist intellectual history in Turkey and Japan : Turanism / S. Levent // Central Asia Survey. – 2015. – Vol. 35, No. 1.
8. Nye J. Get smart / J. Nye // Foreign Affairs. 2009 July/August. – Vol. 88. – Issue 4.
9. Цыпанов Е. А. От конгресса к конгрессу с одними целями (к 20-летию Всемирных конгрессов финно-угорских народов) / Е. А. Цыпанов // Финно-угорский мир. – 2012. – № 3–4.
10. Тишков В. А. Финно-угорская проблема : ответ Евросоюзу (исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 196) / В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев. – М. : ИЭА РАН, 2007.
11. Романов И. Скандал на финно-угорской почве / И. Романов // Независимая газета. – 2008. – 30 июня. – URL: https://www.ng.ru/politics/2008-06-30/1_skandal.html?mthree=1 (дата обращения: 25.05.2025).
12. Надеин-Раевский В. А. История пантюркизма и его современные сторонники. Часть 2. Новый этап пантюркистских надежд / В. А. Надеин-Раевский // Перспективы. Электронный журнал. – 2022. – № 2.
13. Torbakov I. Neo-Ottomanism versus Neo-Eurasianism? Nationalism and Symbolic Geography in Postimperial Turkey and Russia / I. Torbakov // Mediterranean Quarterly. – 2017. – Vol. 28, No. 2.
14. Aslan S. «Citizen, Speak Turkish!» : A Nation in the Making / S. Aslan // Nationalism and Ethnic Politics. – 2007. – April. Vol. 13, No. 2.

15. Findley C. Turkey, Islam, nationalism, and modernity : a history, 1789–2007 / C. Findley. – New Haven, CT : Yale University Press, 2010.

16. Бердин А. Т. Влияние пантюркизма в республиках ПФО (на материале националистических организаций Башкортостана) / А. Т. Бердин, Ю. М. Юсупов // Власть. – 2022. – № 7.

17. Воздвигнут мавзолей над могилой Бокей-хана. – URL: <https://azh.kz/ru/news/view/7556> (дата обращения: 25.05.2025).

18. Москаленко В. А. Этапы модификации внешне-политических усилий Турции в отношении государств Центральной Азии в 1991–2022 гг. / В. А. Москаленко // Общество : политика, экономика, право. – 2025. – № 3.

19. Финляндия – новый член НАТО. – URL: <https://fennougria.ee/ru/finlyandiya-novyj-chlen-nato/> (дата обращения: 25.05.2025).

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Буданов М. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления

E-mail: budanov@spa.msu.ru

Полунов А. Ю., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления

E-mail: polunov@spa.msu.ru

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Budanov M. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Interethnic and Interfaith Relations Management, School of Public Administration*

E-mail: Budanov@spa.msu.ru

Polunov A. Yu., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Interethnic and Interfaith Relations Management, School of Public Administration

E-mail: polunov@spa.msu.ru